

Памяти великого священномученика за отечество. 1 марта (17 февраля) 1612 года – день мученической кончины Патриарха Ермогена

Счастлив народ, помнящий заветы своих предков благочестивых; счастлива Церковь, присно пребывающая в благодатном общении с Церковью веков минувших; счастливы ты, православный русский народ, что есть у тебя крепкие пред Богом стоятели и печальники, но счастлив дотол, пока идешь по стопам их, пока свято хранишь заветы их!

Мы переживаем крайне опасное для отечества нашего время, когда темные силы вражьи стремятся отравить и убить нашу русскую православную душу, исказив или, по крайней мере, подменив все наше народное православно-русское мирозерцание. И вот, промыслом Божиим, это печальное и опасное для народа, для России, время совпадает с годовщинами великих воспоминаний далекого по времени, но близкого сердцу прошлого в истории нашего отечества. И встают пред нами великие герои духа из того отдаленного прошлого, и во главе их – несокрушимый адамант веры, богатырь духа, святейший Всероссийский Патриарх Гермоген. 17 февраля исполняется ровно триста лет, как заморенный голодом в мрачном подземелье Чудова монастыря отошел к Богу святою своей душой этот священномученик за отечество. Благовременно вспомнить его священные заветы, особенно благопотребные для нашего, столь измельчавшего духом и оскудевшего верою поколения.

Святитель Ермоген утверждает православие в Казани

Удостоенный сана митрополита только что покоренной Казани, святитель Божий весь отдался святому делу утверждения в православии новокрещеных татар, из коих некоторые возвращались в магометанство, а другие уклонялись в католичество и лютеранство. Митрополит Гермоген испросил у Царя Федора Иоанновича указ, в силу которого новокрещенные татары поселены были вместе с русскими в особой слободе, где для них построили церковь и наблюдали за ними, чтобы они посещали богослужение, носили кресты на груди, имели у себя иконы и жили по-православному. А иноверцам было запрещено брать на службу к себе православных.

Святитель Божий не пускался в рассуждения о какой-то свободе совести: он веровал, что истина православия выше всех сокровищ на земле, и ограждал ее всею силою своей святительской власти. И ни в какие сделки со своею совестью он не входил, и грехом почел бы допускать соращения из православия в какую бы то ни было иную веру. Вот урок вашим законопоставителям! Вот завет великого поборника веры православным русским людям! Хотите милости Божией – не стыдитесь исповедать православную веру, как едину истинную, едину спасающую; старайтесь и другие народы делать участниками и причастниками этого бесценного сокровища, хотя бы для сего потребовалось иногда употребить и не совсем либеральные меры – вроде тех, какие применяются к неразумным детям...

Святитель Ермоген против Лжедмитрия первого

Но вот святитель вызван в Москву. На престоле русских царей – ставленник поляков самозванец Лжедмитрий. Он высказывается за унию с римским папой. Он хочет жениться на польке-католичке, не присоединяя ее к православной Церкви. И почти все молчат, никто не протестует против новшества, которое грозит уничтожением православия на Руси... Только митрополит Гермоген да коломенский святитель Иосиф открыто восстают против этого оскорбления Церкви Православной, только они громко заявляют, что невеста названного Димитрия должна принять крещение, торжественно исповедать истину православия, иначе брак не будет законным... Самозванец за такое дерзновение высылает Гермогена в Казань, где он не лишился своей кафедры только потому, что Лжедмитрий вскоре после того был растерзан народом...

Святитель Ермоген против Лжедмитрия второго

Царствует Василий Иоаннович Шуйский, а смута не утихает: является второй самозванец, метко клейменный в истории именем "Тушинского вора". Святитель Гермоген уже на престоле патриаршем. Он мужественно стоит против смутьянов. Он рассылает по городам грамоты, в которых извещает о гибели первого самозванца-еретика Гришки Отрепьева, о перенесении св. мощей Царевича Димитрия в Москву, о воцарении Шуйского – Царя благочестивого и поборателя по православной вере. Он предупреждает, что явился новый самозванец, и требует от духовенства, чтобы грамоты были по нескольку раз прочитаны народу при служении молебнов о здравии и спасении Богом венчанного Государя. Так он старался утвердить в умах и сердцах тогдашних русских людей верность законному Царю. И его слова ложились на добрые русские сердца, и многие отстали от самозванца и вернулись на службу к Василию Иоанновичу.

На многих это подействовало благотворно, но не на всех. Смута развратила умы до того, что люди забывали долг свой в отношении к родине, к родной Церкви и переходили на сторону второго самозванца – Тушинского вора, несмотря на то, что он вовсе даже не был похож на первого Лжедмитрия.

Этого бродягу сопровождали иезуиты, которым был дан наказ действовать осторожнее, чем при первом самозванце, в деле распространения унии и латинства в России. Иезуиты должны были удалять от самозванца русских людей, окружая его католиками и униатами, всячески склонять бояр к измене православию, заводить в России католические и униатские школы, строить костелы, изгонять из России греков и пр. Конечно, все это тщательно укрывалось от всех русских людей, но прозорливый Патриарх раньше других разгадал лукавые цели поляков. Он еще ревностнее стал поддерживать Царя Василия Иоанновича, как защитника православия. Он не останавливался даже пред анафемою против изменников Царю и отечеству.

Всенародное покаяние 20 февраля 1607 года

Чтобы еще более рассеять туман смуты в умах, Царь и Святитель Гермоген вызвали из Старицы бывшего Патриарха Иова, чтобы он даровал народу разрешение от грехов – нарушения крестного целования и измены. 20 февраля 1607 года в Успенском соборе произошло всенародное покаяние пред престарелым Патриархом Иовом, который разрешил виновных в клятвопреступлениях и изменах.

«Обращаюсь к вам,

бывшим православным христианам всякого чина и возраста»

В 1609 году мятежники вытащили его на Лобное место среди Красной площади и, тряся его за ворот, бросая ему песок в лицо, требовали, чтобы он присоединился к ним для низложения Царя Василия Иоанновича с престола, ссылаясь на то, что этот Царь был избран одною Москвою, без участия других городов, и что из-за него льется кровь многая. Но Патриарх решительно сказал изменникам: "Досель ни Новгород, ни Псков, ни Тверь, ни Астрахань, ни другие города Москве не указывали, а Москва всем им указывала; а что кровь льется – то не вина Царя". Твердость первосвященника способствовала тому, что крамольный замысел на сей раз не удался, а заговорщики убежали в Тушино.

Тогда Патриарх и туда отправил свою грамоту.

"Обращаюсь к вам, бывшим православным христианам всякого чина и возраста, – писал он, – а ныне не ведаем, как и назвать вас, ибо вы возненавидели правду, отпали от соборной и Апостольской Церкви, отступили от Бога и святым елеем помазанного Царя, вы забыли обеты православной веры нашей, в которой мы родились, крестились, воспитались, возрастали; преступили крестное целование и клятву – стоять до смерти за дом Пресвятыя Богородицы и за Московское государство и пристали к ложно-мнимому царику вашему.

Болит моя душа, ноет сердце, я плачу и с рыданием вопию: помилуйте, братия и чада, свои души и своих родителей, отошедших и живых, посмотрите, как отечество расхищается и разоряется чужими, какому поруганию предаются св. иконы и церкви, как проливается кровь неповинных, вопиющая к Богу.

Вспомните, на кого вы поднимаете оружие: не на Бога ли, сотворившего вас, не на своих ли братьев? Не свое ли отечество разоряете?

Заклинаю вас именем Господа Бога, отстаньте от своего начинания, пока есть время, чтобы не погибнуть вам до конца, а мы, по данной нам власти, примем вас кающихся, и упросим Государя простить вас: он милостив..."

Увы, и этот трогательный отеческий призыв не имел успеха.

Раздался только один голос за Царя Василия: то был голос Гермогена

Скоро в пределы России вторгся сам польский король Сигизмунд и осадил Смоленск. А 17 июля в Москве вспыхнул мятеж против Царя Василия Иоанновича. С Красной площади толпы двинулись к Серпуховским воротам, куда насильно привели Патриарха Гермогена. Здесь раздался только один голос за Царя Василия: то был голос Гермогена, который продолжал стоять за него, по присяге, как за законного Государя, венчанного Церковию на царство. Он говорил народу, что там нет спасения, где нет благословения Божия, что измена Царю есть страшное злодейство, за которое грозно накажет Бог, и что она не избавит России от бедствий, а еще глубже погрузит ее в их бездну. Но увещания старца-священника были безуспешны, и Царь Василий Иоаннович в тот же день был низвержен и удален из Кремля в свой дом на Арбате...

На другой день Патриарх еще раз вышел на площадь к народу и уговаривал его возвратить Шуйского на царство, но враги Царя Василия успели уже насильно

постричь его в монахи. Несмотря на то, что Царь наотрез отказался от пострижения, громко кричал: "Не хочу!" – князь Туренин произносил за него обеты, а Ляпунов с наглостью держал его за руки, чтобы он не отмахивался, когда на него надевали монашеские одежды. Царицу Марию насильно увезли в Вознесенский монастырь и там постригли. Она рвалась из рук, стенала, звала супруга своего, называла его милым государем, кричала, что будет называть его своим мужем и в монашеской рясе. Патриарх объявил незаконным это насильственное пострижение, молился за Василия Иоанновича в храмах, как за законного Царя, и не считал его иноком, а монахом признал князя Туренина, который вместо него произносил священные обеты. Все это произвело сильное впечатление на москвичей...

Между тем поляки делали свое дело. Они всюду рассылали свои прокламации, возбуждая ненависть против Царя Василия. Умы волновались. А многие из тех, которые стояли во главе переворота, буквально исполняя план польский, думали искренно, что служат своему отечеству.

Святитель Ермоген против польского королевича Владислава

Когда верховная власть перешла к боярской думе, когда бояре решили призвать на русский престол польского королевича Владислава, снова громко поднял свой голос против этого опасного для отечества шага святейший Патриарх Гермоген.

Он не смутился тем, что не достигнет цели, и прямо заявил, что он против призыва иноземца-поляка, указывая, что необходимо избрать на престол православного Царя из русских, причем первый указал на юного боярина Михаила Феодоровича Романова, как на лицо, достойное царского венца по его родству с угасшим родом св. Владимира. Он напоминал о том, что пришлось испытать Русскому народу от поляков при Гришке Отрепьеве.

"Теперь же чего ждете? – спрашивал он изменников. – Разве только конечного разорения царству и православной вере?" Но польские приспешники осыпали Патриарха насмешками. "Твое дело, – говорили они, – святейший отче, смотреть за церковными делами, а в мирские дела тебе не следует вмешиваться".

Как это похоже на то, что и в наше смутное время говорят нам, пастырям Церкви, современные нам приспешники масонов и иудеев: не ваше дело мешаться в политику! Как будто любовь к отечеству – политика! Как будто охрана православной веры в России – политика! Святитель Гермоген не слушал тогдашних изменников: он дал нам пример и завет, как относиться к таким толкам. Он отстаивал правду Божию по архиерейской совести, а не по толкованию тех, кто и Бога потерял и врагу продался...

Бояре не послушали Патриарха, но все же сделали ему уступку: по его настоянию они потребовали, чтобы Владислав, прежде вступления на престол, принял православие, не сносился с папою, не строил на Руси костелов, не допускал к нам кзсендзов и казнил смертью тех, кто перейдет из православия в латинство; женился бы на русской, не раздавал должностей полякам и, для обеспечения государства от внесения в него чего-либо нерусского, требовали, чтобы королевич ничего не предпринимал в верховном управлении без согласия боярской думы, а в законодательстве и налогах – без одобрения Земского Собора. Только на этих условиях и после тяжелой внутренней борьбы Патриарх дал свое согласие на

приглашение Владислава. Патриарх не одобрял всего этого, но вынужден был выждать, пока поляки яснее раскроют свои планы.

Именно свт. Гермогену принадлежит первенство в великом и святом деле спасения от смут и порабощения

Недолго пришлось ожидать. Король Сигизмунд стал требовать, чтобы вместо Владислава русские присягнули ему самому, и уже начал издавать указы от своего имени касательно русских государственных дел. Это значило, что он считает Россию уже покоренной провинцией Польши...

Нет нужды говорить, что это грозило гибелью и вере православной и русской народности. Момент был страшный. Бояре стояли за польского королевича, в своей слепоте не подозревая опасности; Москва была в руках поляков; смута и измена увеличивались; люди, верные отечеству и православной Церкви, были загнаны и забиты...

В эту-то роковую пору "был един и уединен", как выражается современный ему летописец, святейший Патриарх Гермоген. Мог ли он, казалось, в своем полном одиночестве поднять Россию против поляков и самозванца на смертную борьбу?

Но благодарение Богу! Этот великий и несокрушимый столп не поколебался, светильник не угас. Патриарху Гермогену именно принадлежит первенство в великом и святом деле спасения от смут и порабощения. За ним пошло все русское православное духовенство. Доблестный старец следил за каждым, даже скрытым шагом врагов, готовый поднять против них всю силу Церкви и еще неугасший в народе дух русской государственности и русской народности.

"Чада паствы моя, послушайте словес моих! Что еще мятетеся и вверяете души свои поганым полякам? Которое вам, словесным овцам, общение с злохищными волками? Весте сами, яко издавна православная вера наша христианская греческого закона от иноплеменных стран ненавидима. Киими же нравы примирихомся с иноплеменниками сими?"

Как эти слова подходят и к нашему времени! И в наше время так же, как и тогда, наша вера православная "всеми иноплеменниками ненавидима есть"; и теперь, как и тогда, эти "иноплеменники", эти французы и англичане, немцы и итальянцы и все народы Запада, в сущности, с презрением относятся к нашей вере православной, а те из них, которые потеряли всякую веру, всячески стремятся и у нас вырвать из народного сердца веру православную, а среди нас, людей русских, немало изменников, которые готовы содействовать им в этом и чрез то загубить родную Русь...

В ноябре 1610 года в патриаршие палаты явился вождь полякующей партии, боярин Михайло Салтыков, и начал речь о Сигизмунде, "чтобы крест целовати самому королю". Но Патриарх властно прекратил хитрые речи Салтыкова. Тогда на другой день изменник явился уже с боярами правительствующей думы и стал прямо требовать разрешить народу целовать крест польскому королю, отдаваясь в его полную волю и чтобы первосвященитель Церкви отписал об этом к королю в грамотах.

"Стану писать к королю грамоты, – мужественно сказал Патриарх, – и духовным властям велю руки приложить, если король даст сына на Московское государство, если королевич крестится в Православную веру нашу, а литовские

люди выйдут из Москвы...; а русским людям напишу, что если не будет так, то благословляю всех, кто королевичу крест целовал, идти под Москву и помереть всем за православную веру".

Изменник Салтыков понял всю силу этого слова. С наглыми ругательствами наступал он на святейшего Патриарха и даже бросился на него с ножом. А Гермоген, подняв руку с крестным знаменем, сказал: *"Крестное знамение да будет против твоего окаянного ножа. Будь ты проклят в сем веке и в будущем!"*

Несмотря на то, что поляки своими патрулями сторожили Кремль и весь город, святитель разослал своих дворовых людей собирать народ в Успенский собор. С церковного амвона он объяснил им всю грозную опасность настоящего положения для Церкви и отечества и прямо запретил целовать крест польскому королю Сигизмунду, убеждая народ стоять за веру православную, и слова его стали разноситься по всем концам России.

Поляки не успели помешать этому важному и решающему собранию, вскоре после него окружили Патриарха своим надзором и стражею, но начало народной борьбе было уже положено. В следующем году жители Ярославля писали в своей грамоте по городам:

"Если бы Патриарх Гермоген не учинил такого досточудного дела, то никто, из боязни польских и литовских людей, не смел бы молвить ни одного слова..."

"Бог и русские люди никогда не простят нам этого, и земля нас не понесет".

Между тем Салтыков от имени бояр прислал нашим послам, посланным под Смоленск, грамоту с приказом сдать город Сигизмунду. Послы отвечали:

"Таким грамотам по совести повиноваться нельзя: писаны они без воли Патриарха, а нас отпуская сюда Патриарх. Бог и русские люди никогда не простят нам этого, и земля нас не понесет".

«...слышу в Кремле латынское пение и не могу терпеть»

В половине декабря самозванец был убит в Калуге. Царя на Руси не было, боярская дума изменила, Патриарх являлся "начальным человеком Земли Русской", и потому счел себя вправе призвать народ к оружию. На Рождестве он начал писать грамоты, которые были образцом всех последующих грамот смутного времени. Исходя от "первопрестольника Апостольской Церкви", грамоты придавали народному движению характер прежде всего борьбы за веру, войны священной. В грамотах Патриарх разрешил русский народ от присяги, данной королевичу Владиславу, что давало русским людям полнейшее право гнать клятвопреступных поляков из России.

И кликнул он клич по областям:

"Всем, не мешкая, по зимнему пути, собрався со всеми городами, идти вооруженными ополчениями к Москве на польских и литовских людей".

Святитель Божий не останавливался перед мыслию: дело ли Патриарха, служителя Церкви, говоря по-нынешнему – "мешаться в политику", призывать к оружию; пошел по стопам своих великих предшественников, принимавших самое деятельное участие в делах народно-государственных и действовал по заветам

Церкви, которая, в лице Преподобного Сергия, вооружила мечами и копьями своих схимонахов и послала их на битву, на Куликово поле...

В начале 1611 года гонцы Патриарха скакали по всем областям. Грамоты Патриарха пересылались от города до города. Уже в том же 1611 году они вызвали сбор двух ополчений, во главе которых потом стал князь Пожарский вместе с Мининым. Грамоты пробудили народный дух, воскресили надежду на спасение отечества, зажгли ревность к этому святому делу. Движение народное росло с каждым днем.

Поляки не могли простить Патриарху такого дерзновения. Чтобы отнять у него возможность рассылать грамоты, "у него дьяки, подьячие и всякие дворовые люди пойманы, а двор его весь разграблен"; его стали держать "как птицу в заклепе". Но это насилие еще больше возбуждало в народе уважение и любовь к Патриарху, еще больше придавало силы его грамотам.

Его клич поддерживали его присные ученики и послушники: поставленный им и близкий к нему архимандрит Сергиевой Лавры преподобный Дионисий и ее келарь Авраамий Палицын, также повсюду рассылавшие свои грамоты с призывом ополчиться на спасение отечества.

И сами москвичи стали писать в другие города:

"Вслед за предателями христианства идут немногие. Святейший же Патриарх душу свою полагает за веру христианскую, а за ним следуют все православные христиане. Будьте с нами обще заодно против врагов наших и ваших".

И из-под Смоленска пришла в Москву от наших послов грамота, извещавшая, чтоб не надеялись на то, что королевич будет царем в Москве: поляки выведут из России лучших людей, опустошат ее и завладеют ею.

"Ради Бога, – писали эти русские люди, – положите крепкий совет между собою, разошлите списки с нашей грамоты и в Новгород, и в Вологду, и в Нежин, и в другие города, чтобы всею землею сообща встать за православную веру, пока мы свободны, а не в рабстве и не разведены в плен".

Наконец, по призыву Патриарха, образовалось стотысячное войско из 25 городов и большие отряды казаков. Сидевшие в Москве поляки и их русские приспешники заволновались, а Салтыков в марте 1611 года опять явился к Патриарху Гермогену и угрожающим тоном сказал ему: "Это ты по городам посылаешь грамоты; ты приказывал всем собираться да идти на Москву! Отпиши им, чтоб не ходили". Патриарх мужественно ответил:

"Если ты, все изменники и поляки выйдете из Москвы вон, я отпущу к своим, чтобы вернулись. Если же вы останетесь, то всех благословляю помереть за православную веру. Вижу ее поругание, вижу разорение святых церквей, слышу в Кремле латынское пение и не могу терпеть".

Поляк Гонсевский сам заговорил: "Ты, Гермоген, главный заводчик всего возмущения. Тебе не пройдет это даром. Не думай, что тебя охранит твой сан". Но запугать готового на мученичество первосвященника было нельзя.

«Боюсь Единого Живущего на небесах»

Теперь поляки уже ничем не прикрывали своей ненависти к русскому народу. Они держали Патриарха под стражей, стали жестоко поступать с московским населением, и в то же время пытались обольстить народ, суля ему разные свободы, выхваляя свои порядки, свой сейм, ограничивающий власть государя. Но преданные самодержавию русские люди им отвечали: "Вам дорога ваша вольность, а нам – наша неволя".

Гроза разразилась на Страстной неделе. Во всех концах Москвы зазвучал набат. Поляки бросились на народ и стали рубить его. Москвичи, вооружившись чем попало; стали защищаться. Поляки, видя, что им не удастся взять верх, отступили к Кремлю и подожгли город во всех концах. Летописцы рисуют нам страшную картину этих дней. Пожар длился всю неделю. Во вторник на Святой уже стали подходить главные силы русских ополчений. Они со всех сторон окружили Кремль и Китай-город, где засели поляки.

Изменники и поляки снова приступили к Патриарху: "Прикажи, чтобы они ушли назад: иначе ты умрешь злою смертью".

«Боюсь Единого Живущего на небесах», – отвечал непреклонный первосвященник.

Тогда его объявили низвергнутым с патриаршества и передали кафедру уже давно низложенному приверженцу Лжедмитрия I, греку Игнатию, а самого Гермогена бросили в подземелье Чудова монастыря, куда спускали ему в окно хлеб и воду. "В храме пуста, яко во гробе, затвориша", – говорит летопись. Есть древнее предание, что поляки, вместо хлеба, стали Патриарху давать нечеловеческую пищу: "меташа в неделю сноп овса и мало воды". Очевидно, это делалось с неслыханною жестокостью, несвойственною русским людям.

«...положить души свои за дом Пречистой и за чудотворцев и за веру»

Прошло три месяца. О Гермогене ничего не было слышно. Но вот 5 августа 1611 года в Кремль пробрался некто Родион Мосеев к Патриарху Гермогену. А тот воспользовался этим, чтобы отправить в Нижний свою, уже последнюю, предсмертную грамоту. Она гласила следующее:

«Пишите в Казань к митрополиту Ефрему: пусть пошлет в полки к боярам и к казацкому войску учительную грамоту, чтобы они стояли крепко за веру и не принимали Маринкина сына на царство, — я не благословляю. Да и в Вологду пишите к властям и к Рязанскому владыке о том, чтобы унимали грабеж, сохраняли братство и, как обещались, положить души свои за дом Пречистой и за чудотворцев и за веру, так бы и совершили. Да и во все города пишите, что сына Маринкина, отнюдь, не надо на царство. Везде говорите моим именем».

Поразительно это величие духа в святейшем Патриархе: одинокий, беспомощный, в глубине подземелья, под грозой мученической смерти, этот "начальный человек Земли Русской" чувствует себя вождем народа и как бы великим государем и считает себя вправе передавать свои государственные полномочия лицам духовным и воеводам, даже городам.

Из глубины подземелья великий священномученик за отечество не мог телесными очами видеть движение собранных по его призыву народных ополчений

и девяти месяцев не дожидаясь до совершенного освобождения Москвы и России. Но он имел утешение узнать, хотя от врагов своих, что эти ополчения идут... Мы знаем, что в Нижнем во главе народного движения стали земский староста Козьма Минин, князь Димитрий Михайлович Пожарский и местное духовенство.

Удивительна была слепота врагов святителя Божия и России! Изменники все еще думали, что под влиянием тяжкого заточения можно сломить мужество Гермогена. Они опять спускаются в подземелье его, опять требуют, чтобы он остановил Пожарского, Минина и их сподвижников и заставил их возвратиться назад. Он же, – говорит летописец, – рече им:

"да будет над теми, кто идут на очищение Московского государства милость от Господа Бога, а от нашего смирения благословение; а на окаянных изменников да излиется гнев от Бога, а от нашего смирения да будут прокляты они в сем веке и в будущем".

Эти последние слова, которые дошли до нас от несокрушимого духом первосвященника, должны отзываться в сердцах русских людей и чрез триста лет – в наше время: в сердцах верных сынов отечества – отрадою благословения, а в сердцах изменников родине – грозным проклятием...

Современники согласно между собою говорят, что он скончался мученически. Большинство из них утверждают, что его, "по многом страдании и тесноте, уморили голодною смертью", а поляки говорят, что он был удушен... Он преставился к Богу 17 февраля 1612 года.

22 октября того же года Москва была очищена, а 13 февраля следующего 1613 года на царский престол был избран тот благословенный родоначальник Дома Романовых, на которого указывал святейший Гермоген.

Святейший Патриарх был первоначально погребен в Чудове. Царь Алексей Михайлович повелел перенести гроб его в Успенский собор (в 1653 году), причем тело его оказалось нетленным. Поэтому оно и не было положено в землю, а поверх земли, в особой гробнице, обитой бархатом. В 1812 году французы, отыскивая сокровища и в гробах, кощунственно выбросили его мощи из гроба, но по уходе их они были найдены целыми и опять положены в ту же гробницу. Чрез 270 лет по кончине, в 1883 году, когда пред коронаванием Императора Александра III производились работы в Успенском соборе, упавший со стены камень пробил каменное надгробие и самый гроб Патриарха, и при этом его св. останки оказались нетленными.

В наши дни эта святая гробница привлекает к себе множество народа со всех концов России и здесь совершаются непрерывною чредою панихиды по святителю. Его молитвам многие недужные получают исцеления, и близок, верится, день, когда святая Церковь, причислив его к лику святых, откроет его св. мощи для всеобщего поклонения и лобзания...

Архиепископ Никон (Рождественский), 1912 год
Полная версия статьи на сайте: <http://www.blagogon.ru/digest/296/>